

Мир Фонарей

А. К.

Ася К

Мир Фонарей

<https://litres.ru/74631077>

SelfPub; 2026

Аннотация

После трагической аварии Ксения навсегда оставила живопись и заперла себя в серой архивной рутине. Но всё меняется, когда в её снах оживает старинный город — с мощёными улочками, звуками скрипки и теплом керосиновых фонарей. Там она встречает Марка — загадочного фонарщика, который возвращает ей вкус к жизни и дарит долгожданную свободу. Сможет ли Ксения довериться миру, которого не должно существовать, чтобы снова научиться жить наяву?

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ася К

Мир Фонарей

*Если я знаю, что такое любовь и исцеление, то
только
благодаря тебе.
— Герман Гессе*

Пролог

Что такое сон?

Учёные скажут, что это сложный защитный механизм нашего мозга. Когда ваша жизнь спокойна и безопасна, ночью подсознание может подбросить кошмар — просто чтобы проверить механизмы защиты и напомнить телу, как справиться со стрессом.

Но если ваша реальность сама напоминает затянувшийся драматический фильм, сны становятся единственной отдушиной. Ярким, тёплым островком тишины. В такие периоды психика бережно моделирует мир, где вы наконец можете отдохнуть и почувствовать радость.

Но что делать, когда сон становится чётче, ярче и реальнее самой жизни? Что это тогда? Игра подсознания? Осознанное сновидение? Параллельные миры?

Или всё же судьба, которая просто пытается протянуть ру-

ку помощи в самый тёмный час и сделать человека чуточку счастливее?

Часть первая

Глава 1

Серые чернила и шум дождя

Меня резко вырвал из сна тяжёлый, глухой стук кулака по парте. Я вздрогнула и резко села на стуле, выпрямив спину, пытаясь прийти в себя.

— Ксения, вам настолько неинтересен мой предмет? — сухим, скрежещущим голосом спросила преподавательница, нависая надо мной.

— Прошу прощения, Антонина Павловна, — промямлила я, смотря виноватым, сонным взглядом перед собой. Плечи округлились, вновь возвращаясь в привычную сутулость. За моей спиной слышались тихие перешёптывания одногруппников.

— Если ничего не записываете, постарайтесь хотя бы слушать мои лекции, миледи. Я и так иду вам на уступки, — отчитываяще сказала она и, поправив очки, прошла вперёд аудитории, продолжая монотонно начитывать текст книги, которая лежала у неё в руке.

Я протёрла глаза тыльной стороной ладони и отвернулась к окну. Лекция по архивоведению и документоведению была настолько скучным предметом, что глаза сами собой закрывались, а монотонный, сухой и тихий голос Антонины Павловны только приправлял сонным песком сверху. На улице вновь шёл дождь, капли тонкими струйками стекали по окнам, а тучи заволокли весь город, окрашивая и без того серые дома в ещё более меланхолические краски. Где-то вдалеке послышался раскат грома.

Когда преподавательница дочитывала последние строки, я взяла трясущейся рукой свой диктофон и проверила, записал ли он лекцию. Мне очень повезло, что преподаватели шли на уступки и позволяли делать аудиозаписи лекций, потому что писать рукой мне давалось с трудом.

Когда пара закончилась, а все студенты начали собираться и уходить, сквозь гул учеников я услышала, как преподавательница подозвала меня к себе. Сделав глубокий вдох и собрав все вещи со стола в сумку, я подошла.

— Ещё раз приношу свои извинения за то, что уснула... Больше такого не повторится... — повторно извинилась я.

— Очень на это надеюсь. Я вижу, как вы стараетесь, Ксения. Даже несмотря на вашу травму... — Женщина украдкой осмотрела меня сочувствующим взглядом.

— Вы выкладываетесь, насколько можете, но этого всё равно недостаточно... — Последовал тяжёлый вдох.

— Понимаю... — кивнув согласно головой, я посмотрела

В ПОЛ.

— Ксения, думаю, у меня есть прекрасная идея, как вам помочь. В нашем библиотечном архиве требуются сотрудники. Это прекрасный шанс показать себя и на практике почувствовать свою будущую профессию. Я уже договорилась, чтобы они приняли вас к себе, — воодушевлённо продолжила она, искренне веря в идеальность этого варианта.

Я тяжело вздохнула и взглянула на свои руки. Тремор был весьма заметен, а запястья ныли от постоянной боли. Я спрятала их поглубже в длинные рукава своего тёмно-серого свитера. Шерстяная вязаная ткань превосходно справлялась со своей задачей — спрятать моё исхудавшее тело от любопытных взглядов. Он тяжело свисал с низко опущенных плеч, доходя до моих бёдер.

— Конечно, вы правы, я обязательно загляну туда по пути, — без должной радости в голосе сказала я и, выдавив фальшивую улыбку, быстро поблагодарила её и, попрощавшись, ушла, пока мне не накидали новых «прекрасных» идей.

Проходя сквозь коридоры, заполненные студентами и гулом их разговоров, я вставила в уши наушники, включив на диктофоне очередную запись лекции. Я старалась слушать их каждую свободную минуту, чтобы хоть как-то запоминать информацию, которую не могла конспектировать на бумаге, но она упорно не хотела усваиваться в голове.

Мысли то и дело отвлекались на разные детали вокруг. Я наблюдала за проходящими мимо студентами. Как они весе-

ло смеялись, шутили и подталкивали друг друга в дружеской шутке. Как кто-то читал книгу, сидя на ступеньках, или, переживая, переписывал очередную невероятно важную работу для следующих пар, спрашивая совета у стоящих рядом одноклассников.

Жизнь вокруг кипела и неслась, пока я медленным шагом шла в неизвестность.

Дойдя до лестницы, ведущей в подвал, где и находился библиотечный архив, я сняла наушники, убрала диктофон в сумку и спустилась вниз, остановившись у двери. Сделала глубокий вдох и выдох, прежде чем переступить порог.

Открыв трудно поддающуюся дверь, мне в нос ударил пыльный запах старых книг и чернил. По обе стороны узкого коридора стояли шкафы, доверху забитые документами, книгами и газетами разных годов. Из каждой полки выглядывала маленькая картонная закладка, обозначающая раздел.

В отличие от аудиторий с огромными окнами на всю стену, это помещение было достаточно сковывающим и сухим. Сюда не пробивались редкие лучи солнца и сырость влажной погоды.

Пройдя в самую глубь коридора, я наконец нашла глазами девушку, которая внимательно записывала что-то в блокнот, держа его в руках.

— Здравствуйте? — неуверенно и тихо начала я.

Девушка обернулась и ослепила меня доброжелательной

улыбкой, будто только и ждала моего появления. У неё были тёмные волосы, собранные в высокий хвост, а прямая ровная чёлка едва закрывала брови. Крупные очки для зрения, как полагается каждому библиотекарю, и классический наряд: чёрные брюки и белая, мятая рубашка. Она так органично и уверенно смотрелась среди этих пыльных томов безграничной информации вокруг, будто была создана для этого.

— Здравствуйте. Вам чем-то помочь? — нежным, обволакивающим голосом практически пропела она.

— Да... Мне сказали, в архив требуются сотрудники... — всё так же неуверенно продолжила я, переминаясь с ноги на ногу.

— Так вы та самая Ксения! — восторженно и с той же улыбкой произнесла девушка. — Меня зовут Амелия, но ты можешь звать меня Амели. Очень приятно познакомиться. — Она подмигнула и, не дожидаясь ответа, повела меня куда-то вглубь помещения, где запах был ещё более затхлым и давящим.

Амелия привела меня к маленькому захламлённому столу. Вокруг него были различные кипы бумаг и книг. А прямо посередине стоял старый компьютер, который наверняка виснет от каждого вздоха.

— Это будет твоё рабочее место, — с неловкой улыбкой сказала она, будто извиняясь за что-то. — Да, не место мечты, но ты сможешь обустроить его по своему вкусу, как только разберёшь всё это. — Она обвела пространство стола ру-

кой.

Я лишь кивнула в ответ и постаралась улыбнуться, но жест вышел натянутым.

Амели быстро описала мне список задач, которые будут входить в мои обязанности. Стандартная работа в архиве: перепись документов, сортировка по датам и внесение данных в электронный архив. К счастью, приём документов и общение с людьми не входили в мои обязанности. Все, с кем мне нужно будет работать по выходным, — это бумаги, пыль и этот «чудесный» доисторический аппарат.

— Если будут вопросы, обращайся ко мне. Я нахожусь тут практически всегда. Если не сможешь найти меня здесь, поднимись на первый этаж, в библиотеку. Большую часть времени я нахожусь там.

— Хорошо, — ответила я.

— Отлично! Тогда, если у тебя больше нет никаких вопросов, подпиши вот этот бланк, чтобы я смогла сделать для тебя карту работника, и увидимся в субботу в 8:00. — Она протянула мне листок и ручку.

Я осторожно приняла бумагу в руки, чтобы она не заметила мои дрожащие пальцы, и подошла к столу.

— Как закончишь, оставь их тут, я позже заберу, — сказала Амели, печатая что-то в телефоне, и, помахав мне рукой, ушла к выходу из архива, оставляя меня наедине.

Когда отдаляющиеся шаги девушки перестали быть слышны, я перевела свой взгляд на стол и нахмурилась, вчи-

тываясь в документ. В нём было стандартное соглашение на работу, а также всё те же перечисления обязанностей и какой-то мелкий шрифт в самом низу, больше похожий на обычные точки, плотно прижимающиеся друг к другу. Как ни старалась разобрать, что это, я не смогла.

Ручка застыла в миллиметре от бумаги. Я стояла, не решаясь оставить подпись, а после мотнула головой и оставила кривую, дрожащую короткую подпись и фамилию с инициалами. На последней точке ручка выпала из моей руки и покатилась по столу, остановившись, лишь опершись в лежащую неподалёку стопку книг.

Левой рукой я прижала правое запястье к груди и тихо простонала, закрывая глаза от боли. Рука пульсировала и горела, подрагивая.

Восемь лет. Прошло уже восемь лет с той аварии, но тело всё помнит. Помнят руки, помнят мышцы, а больше всего помнит голова.

Те самые отголоски песни из радиоприёмника, нежный голос бабушки: «Ты прирождённый художник, дорогая», а после — визг колёс по мокрому асфальту и звон разбитого стекла.

Я резко открыла глаза и глубоко глотнула тёплый воздух, прогоняя нахлынувший ком в горле.

В моей жизни больше не было красок, не было холстов и волшебных нарисованных миров. Лишь сухие справочники, учёт документов и серые будни, в которых нет места радости

и беззаботности.

Так спокойнее, безопаснее. Так не больно.

Дождь усилился, превращаясь в настоящий ливень, который хотел затопить весь город. Зонт не справлялся с напором капель, и штанины тёмных джинсов, намокших от луж, холодно и неприятно прилипали к моим ногам, когда я села в свой 508-й автобус на остановке у университета.

Студенты суетливо выходили из главного входа, спеша кто куда. Несколько девушек в коротких платьях и с торчащими из сумок ноутбуками, смеясь, обсуждали сегодняшний день и осторожно перебегали дорогу, стараясь не намочить красивые туфли на каблуке.

Высокий парень с тубусом за спиной и массивной кожаной сумкой, которая хранила в себе чертежи и инструменты, стоял под навесом остановки, ожидая свой транспорт. Его пальцы правой руки были измазаны чернилами, а в глазах читалась глубокая усталость.

Все мы, учась в одном месте, были лишь незнакомцами друг для друга, невидимками, проживающими свои тихие жизни.

Мимо проехала машина, разбрызгивая лужу на стоящих рядом людей. Женщина в возрасте что-то кричала и махала кулаком.

Я сильнее прижалась лбом к холодному стеклу окна и закрыла глаза, когда автобус тронулся с места.

Вечер прошёл, как обычно, быстро: душ, ужин и мягкая кровать. Сон пришёл так же быстро, как и началось утро, но в этот раз что-то изменилось.

Я медленно открыла глаза от будильника, а в голове всё ещё играла мягкая мелодия ловко перебирающих струн. В носу стоял приятный, отдалённый тёплый запах сухой брусчатки, речной прохлады и оттенок керосина.

В груди впервые за долгое время тлело умиротворение.

Я села на кровати с непривычной лёгкостью и посмотрела на руки. Они всё ещё подрагивали, но привычной ноющей боли не было. Удивительно тёплые пальцы чувствовали лёгкость. На губах сама собой появилась тихая, недоуменная улыбка.

— Что это был за сон?.. — прошептала я в пустоту комнаты, но так и не смогла вспомнить.

Это же приятное чувство сопровождало меня ещё несколько будних дней. Сидя в столовой в обеденный перерыв, я напевала незнакомую мелодию под нос, когда за окном лёгкий ветер сдувал пожелтевшие листья, собирая их в кучки. Дворник сметал одиноко отбившиеся листочки и укладывал сформированные кучки в мешок.

Ноябрь в этом году выдался весьма холодный.

Глава 2

Пыльный архив и навязчивый мотив

Утро субботы прошло в монотонной работе. Я быстро смирилась с правилами этого места. Смогла за несколько часов разобрать стол и протереть его от накопившейся столетней пыли. Я столько раз чихала, что сбилась со счёта. Крупницы пыли въелись в мой нос так, что я перестала различать другие запахи. К обеду голова загудела так же сильно, как белые лампы, висящие над головой.

Я отложила в сторону старые газеты и, потянувшись, встала. Нужно найти Амели, чтобы уйти на обед. Я прошлась по всему архиву, но так и не смогла разыскать девушку. Вернулась к своему рабочему месту, собрала вещи и, надев бейдж, где было написано «Ксения Грин, стажёр», вспомнила, что начальница сказала: «Если не найдёшь меня тут, поднимись на первый этаж в библиотеку».

Раньше я никогда не заходила в университетскую библиотеку. Тут было совсем иначе, чем в архиве: чуть больше воздуха и хоть какие-то окна. Света от них было недостаточно из-за плохой погоды, но чувствовалось хоть немного просто-ра.

Полки, так же как и в архиве, стояли рядами. В них по алфавиту были разложены различные книги, а в середине помещения стояли столы и компьютеры для студентов. Даже в субботу тут сидели студенты и учились: кто-то читал книгу, кто-то печатал на компьютере проект, а кто-то чертил что-то на ватмане.

В углу стояла стойка библиотекаря. Именно там я и увидела Амели. Она с привычной мягкой улыбкой разговаривала с высоким темноволосым парнем и что-то показывала ему в книге.

Я подошла именно в тот момент, когда он её благодарил. Он сделал шаг назад и, повернувшись, врезался в меня. Книга выпала из его рук. Видимо, я слишком тихо подошла.

— Прошу прощения... — сказал парень и поднял книгу под названием «Анатомия архитектуры». Он смахнул с неё пылинки и пошёл к выходу из библиотеки, так и не отрывая взгляда от пола.

Смотря вслед уходящему парню, плечи которого были опущены, будто на них лежал груз сотни тяжёлых книг, я услышала, как Амели грустно вздыхает.

— Бедный парень, приходит сюда каждый день... Так усердно старается добиться хоть малейших высот, которых навязчиво требует его отец. — Она оперлась подбородком о руку и поправила очки. Ещё несколько раз печально покачала головой и повернулась ко мне, возвращая улыбку.

— Ты уже закончила? Хочешь выйти на обед?

— Да, а то, кажется, от нехватки воздуха у меня в глазах уже плывут все буквы... — неловко оправдалась я.

— Конечно, иди, отдохни, я пригляжу за архивом. — Она начала махать мне рукой, будто благословляя или прогоняя.

Есть совершенно не хотелось, а вот выйти из душного помещения — очень даже. Поэтому я зашла в ближайшую кофейню. В ней играла приятная джазовая музыка.

Меня поприветствовала бариста, молодая девушка лет двадцати пяти. У неё были светлые короткие волосы, заколотые металлическими заколками. Она суетливо готовила напитки, взбивая молоко горячим паром. А когда закончила, поставила готовый напиток на стойку, прокричав имя и название: «Карамельный макиато». Затем подошла ко мне, вытирая ладони о фартук, висящий на талии. Я заказала стакан кофе на вынос и вышла на улицу.

Холодный осенний ветер обдувал лицо и развевал несколько выбившихся из зализанного пучка прядей. Я сделала глоток горького напитка и вдохнула влажный воздух после дождя. Сама собой в голове заиграла приятная мелодия струн, и я начала напевать её под нос. Она была знакомой, но я никак не могла вспомнить, где её слышала.

Просидев так какое-то время, я почувствовала, что стала замерзать. Утонув поглубже в воротник своего чёрного, давно заношенного пальто, я встала. Допила последние глотки бодрящего, но горького напитка, выбросила стакан в урну и направилась обратно к работе.

После обеда день тянулся невыносимо долго. Тесное, душное пространство будто сдавливало со всех сторон. Документы сливались в один сплошной поток несвязанных друг с другом строк. И лишь мягкая мелодия, которая заела у меня на губах, хоть как-то разбавляла этот кошмар.

— Красиво поёшь, — с улыбкой сказала Амели, когда принесла очередную стопку документов.

Я вздрогнула от неожиданного присутствия начальницы и уронила голову на лежащие на столе руки.

— Это первый рабочий день, а меня уже тошнит от всех этих бумаг... — пробормотала я в стол.

Амелия посмеялась.

— Понимаю, у меня поначалу было так же, привыкнешь. — И с глухим звуком положила бумаги на стол. — А мелодия и правда красивая. Откуда она?

— Не знаю, где-то услышала и теперь напеваю её уже несколько дней. — Я пожала плечами и, потянувшись, лениво подтащила бумаги поближе к себе.

— Интересно... — с задумчивой улыбкой сказала девушка и ушла так же бесшумно, как и пришла.

Спустя ещё несколько бесконечных часов рабочий день наконец-то закончился. Амели ушла пораньше, оставив мне ключи и наказав всё выключить, проверить и закрыть.

Я так и поступила. Правда, закрыть двери архива с первого раза не удалось: то руки дрожали, и я никак не могла попасть в замочную скважину, то ключ упорно сопротивлялся

и заедал.

Я нетерпеливо стукнула ногой по низу двери и устало облокотилась спиной о стену рядом.

— Что за день... — устало прошептала я в тихий коридор. После ещё нескольких попыток дверь всё же сжалилась и поддалась. Это можно было считать маленькой победой.

Коридоры университета были тихими и пустыми. Освещение только тускло подсвечивало выход. Вечер субботы будто замедлил время и погрузил в глубокий сон каждую аудиторию в здании.

На улице вновь моросил дождь. Эта вечная плаксивая погода явно не собиралась выходить из депрессии.

Дома я наконец смогла расслабиться. Мысли о завтрашнем втором рабочем дне не утешали, но у меня появилось странное, навязчивое желание поскорее лечь спать, и оно не объяснялось обычной усталостью. Оно скорее было похоже на предвкушение чего-то приятного.

Как в детстве мы ложимся быстрее спать перед днём рождения, чтобы поскорее наступило утро и праздник начался.

Просто в последние дни я странно хорошо себя чувствовала после пробуждения. Мелодия, которую я весь день напевала, с новой силой заиграла в голове, когда сон потихоньку накрывал меня тёплым одеялом.

Я слышала струны скрипки, стук копыт и деревянных колёс по брусчатке. Сон разливал свои краски в картинки. Тёплый, мягкий свет от керосиновых фонарей заполнял улицу,

уложенную камнями.

Моё дыхание стало глубоким и ровным. Сон забрал меня полностью в свой прекрасный мир, оставив все тяготы и холод за его пределами.

Глава 3

Золотой свет. Первый аккорд.

Сделав глубокий вдох, я открыла глаза. Передо мной стояла небольшая толпа людей. Они хлопали в ладоши и танцевали. Двое мальчишек пробежали справа от меня, резвясь и смеясь.

На город плавно опускалась ночь. Закатные лучи солнца окрашивали всё вокруг в волшебные алые цвета. Где-то вдали уже горели фонари. В воздухе стоял запах летнего тёплого вечера, свежей выпечки, древесного дыма и речной прохлады. Мощёная брусчатка под моими ногами была словно мягкие облака, которые позволяли мне подпрыгивать и кружиться в такт мелодии.

Я опустила взгляд вниз и заметила, что музыка, которая звучала вокруг и заражала весельем людей, исходила от скрипки в моих руках. К моему удивлению, пальцы левой руки ловко перебирали струны. А правая рука держала смычок тремя пальцами, слегка округлив кисть, и плавно водила им туда-сюда. Руки не болели, не было привычного тремора. Лишь свобода и мелодия, задевающая струны души. Музыка была похожа на первый день долгожданного лета. Хотелось

сбросить обувь, выбежать на тёплую дорогу босиком и вдохнуть полной грудью, забывая все невзгоды.

Сделав быстрые движения смычком, я завершила мелодию и поклонилась зрителям, пытаясь отдышаться от нахлынувших чувств. Улицу заполнил звук аплодисментов. В этот момент я чувствовала, что наконец-то оказалась дома. Я подняла голову. На лице сияла улыбка. Волнистые распущенные волосы трепал игривый ветерок.

Я стала рассматривать свой наряд. Приподняв подол светло-жёлтой юбки, я заметила на ногах кожаные башмачки. Рукава моей льняной рубахи, которые доходили до локтей, были обшиты потрёпанным кружевом, а шнуровка на лифе из дешёвой саржи едва удерживала плотную ткань на груди. На пальцах красовались красные тонкие полосы от струн. Я ещё раз удивлённо заметила, как послушны мои пальцы.

Люди стали расходиться. Кто-то продолжал напевать себе под нос, кто-то танцевал, влюбленные пары обнимались. Ко мне подбежала маленькая девочка. Её лицо было рассыпано веснушками, рыжие кудри пухом обнимали пухлые щёчки. Она хотела что-то мне сказать, но её подозвала мама, и, потеряв ко мне интерес, она побежала на зов.

Боковым зрением я заметила, как слева зажегся фонарь и запахло керосином. Я обернулась на свет и увидела юного парня.

Он был одет в бежевые брюки с подтяжками и белую, явно не по размеру рубашку, рукава которой были закатаны выше локтя. Его волосы были тёмными, как графит, и небрежно растрёпанными. Он насвистывал мою музыку и вытирал руки тряпкой. Заметив мой взгляд, он махнул мне рукой. Я подхватила подол платья руками и побежала к нему навстречу.

— Уютный вечер, не правда ли, миледи? — с невероятной лучезарной улыбкой произнёс незнакомец. Его плечи были свободно расправлены, а в глазах горел огонь.

Я развела руки в стороны и покружилась, подол платья поднялся от лёгкого ветерка.

— Чудесная ночь... — радостно выкрикнула я в небо.

Парень засмеялся и сделал ещё несколько шагов ближе. Он был выше меня на голову. Фонащик протянул мне ладонь, и я вложила в неё свою. Он закружил меня, вновь начав насвистывать мелодию. Было что-то в этом моменте магическое и волшебное.

— Ваша музыка прекрасна... Каждый вечер я слушаю её, пока зажигаю фонари. Могу ли я познакомить вас с городом?

Было что-то в его улыбке пленительное, и я, не раздумывая, согласилась.

Когда парень залез на поставленную ранее лестницу у фонаря и зажёл мостовую вокруг тёплым светом, я ахнула. Постепенно вся улица озарилась светом. Он зажигал каждый фонарь вручную, и с каждым новым фонарём в моём сердце загорались всё новые искорки счастья и веселья. Когда фонарщик зажёл последний фонарь и спустился с лестницы, мы пошли вдоль мостовой. Я, как любопытный ребёнок, рассматривала всё вокруг.

Покосившиеся каменные дома, которые частично заросли плющом, маленькие настенные керосиновые фонари, отбрасывающие причудливые тени, уютные книжные лавки, в которых горел тёплый свет свечей, а вдали виднелась старинная часовня.

Мимо нас проехала карета, запряжённая лошадьми. Я с восхищением смотрела ей вслед. Когда обернулась обратно к незнакомцу, он протягивал мне глиняный графин, от которого пахло терпкой, забродившей грушей. Я приняла графин и сделала последний глоток напитка. Приятное тепло разлилось по моему рту и горлу.

— Благодарю, чудесный сидр... — с блаженной улыбкой вернула я графин в руки фонарщика.

— Я знаю место, где его разливают, — с игривой улыбкой произнёс он.

Взяв меня за руку, он увлёк меня в узкий переулок, на другую сторону маленьких каменных домов. Мы пришли в таверну, в глубине переулков, куда заходят только по случай-

ности. На покосившейся деревянной вывеске было сложно разобрать название. На пустых уличных столиках горели и капали свечи. А из глубины помещения звучали звуки флейты.

Всё ещё держась за руки, мы зашли в таверну.

Незнакомец вёл себя там как дома: здоровался с сидящими за стойкой людьми, задавал каждому вопросы наподобие: «Как поживает Клара? Давненько её не было видно?» и тому подобное.

Он отпустил мою руку и подошёл к грозному мужчине средних лет, крепкого телосложения, стоящему за стойкой и протирающему оловянные кружки. Он выглядел как настоящий великан в этом маленьком, заполненном людьми помещении. Левый глаз будто перечёркивал уже давно заживший шрам.

— Эй, Старина Хэм! — произнёс парень, с которым я пришла, и похлопал мужчину по плечу. — Нальёшь нам чего-то вкусного? — Он подмигнул мужчине и указал на меня.

— Конечно! Проходите, ребята, — с гостеприимной улыбкой ответил Старина Хэм.

Голос мужчины звучал так же грозно, как и он сам выглядел. Он начал разливать по кружкам тот же напиток, который я пробовала ранее.

— Уже успел зажечь все фонари в городе? — с доброй ухмылкой спросил мужчина.

— Да, сегодня справился быстрее. У меня была чудесная

помощница. — Парень перевёл на меня тёплый, игривый взгляд и, подмигнув, протянул кружку грушевого сидра.

— Мадмуазель... — Мужчина протянул мне большую мо-золистую ладонь, и я с опаской вложила в неё свою. Он осторожно поцеловал мои костяшки и представился: — Рад приветствовать вас в своей таверне. Меня зовут Генрих Келлер, но ты, как и все тут, можешь звать меня Старина Хэм. Добро пожаловать.

Он обвёл помещение руками с гордостью и улыбкой на лице. Кажется, он совершенно не был таким устрашающим, каким обещала его внешность.

— Меня зовут К... Селия... Да, зовите меня Селия.

Не знаю почему, но мне захотелось сократить своё имя, чтобы оно звучало так же легко и непринуждённо, как я себя сейчас чувствовала.

Я стала с улыбкой осматривать таверну. Людей было достаточно. Все выпивали и слушали, как какой-то парнишка играет на сцене на флейте. И хоть помещение было небольшим, в нём чувствовались свобода и простор. По всем углам горели свечи, пахло хмелем, древесиной и потом.

Боковым зрением я заметила, как фонарщик рассматривает меня с лёгкой улыбкой. Я перевела взгляд на него.

— Значит, Селия... — будто смакуя моё имя, он смочил губы сидром и довольно улыбнулся. — Мне нравится.

— А как же зовут вас, загадочный незнакомец? — игриво спросила я, делая глоток из своего стакана.

— Марк, — с ухмылкой сказал он, совершенно не задумываясь. Он выглядел здесь так уверенно и непринуждённо, будто это его дом. — Теперь не такой уж загадочный и не такой уж незнакомец.

Я улыбнулась в ответ. Было в его взгляде что-то такое завораживающее, из-за чего в моём животе начинали порхать бабочки.

Мне так нравилась мелодия флейты, что, не сдерживаясь, я достала скрипку из кожаного чехла, висевшего у меня за спиной, и пошла в сторону сцены. Марк с тёплой улыбкой провожал меня взглядом и, выпив напиток до дна, пошёл следом.

Может, это сидр меня так опьянил, а может, место, но во мне совершенно не было привычной стеснительности и зажатости. Я запрыгнула на сцену и, быстро подстроившись под мелодию, начала играть на скрипке в такт флейте. Люди в таверне ещё больше оживились. Они начали хлопать и бросать монеты в шляпу у сцены. Я полностью отдалась процессу, замечая только улыбки вокруг и то, как фонарщик стоял сбоку от сцены и сияющим взглядом смотрел на меня.

Мы провели в таверне всю ночь: пели, танцевали и много пили. Кажется, Старина Хэм стал для меня родным за эту ночь.

Когда на горизонте стали просачиваться первые лучи солнца, мы вышли на улицу. Мы с Марком, усталые, но счастливые, шли по брусчатке, держась за руки, в сторону

мостовой, где впервые встретились. К моменту, когда мы дошли до фонаря, рассвет стал более заметным. Мы остановились и обернулись друг к другу.

— Мы ещё увидимся? — с тоской и надеждой спросил фонарщик.

— Очень на это надеюсь... — с такой же меланхоличной тоской ответила я.

И тогда парень поднёс мою руку к губам и, поцеловав тыльную сторону ладони, прошептал:

— Я буду ждать...

Мне так не хотелось расставаться. Мне хотелось, чтобы эта ночь продолжалась бесконечно. Но вот Марк опустил мои руки, заправил выбившуюся кудрявую прядь моих волос за ухо и поднялся по лестнице, чтобы потушить керосиновый фонарь, ведь утро уже наступило. И

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.